

Сазонова

Нина
Афанасьевна

1986

II

Москва, правда, 1986, 7 фев.

мастера сцены

ПИСЬМО ИЗ ВЯТСКОЙ ДЕРЕВНИ

О своем коллеге Петре Ильиче Вишнякове, отметившем недавно свое 75-летие, рассказывает народная артистка СССР Нина Афанасьевна Сазонова.

— Он истинный артист во всех проявлениях своей души, таланта и обаяния, — говорит Нина Афанасьевна. — Вот уже более тридцати лет он играет на сцене Центрального театра Советской Армии, и я не перестаю удивляться — нет, поражаться тому, как много неожиданностей таит в себе его талант.

Все эти годы он трудился неутомимо, покоряя своим искусством коллег и зрителей, а в глубине его души таилась мечта. Он шел к ней негромко, быть может, не подозревая даже, какой радостью не только для него, но для всех станет осуществление этой мечты.

Суворов! Об этой недавней работе артиста были написаны прекрасные слова, зрители устроили ему овацию, а он, счастливый и улыбающийся своей светлой, почти детской улыбкой, смотрел в зрительный зал, и... скажи ему, он, пожалуй, снова бы сыграл весь спектакль в тот премьерный вечер, настолько весь, вся его человеческая суть были обращены к людям, а сам он — полон желания продлить для них этот праздник.

Спектакль «Осенняя кампания 1799 года» идет с неизменным успехом, и я часто стою за кулисами, слушаю монологи Суворова и диву даюсь, как прочен, надежен талант Вишнякова, как умеет приковывать к себе зрителя этот замечательный актер!

А что происходит, когда Вишняков выходит на концертную эстраду... Как он читает Есенина! Он влюблен в поэта. Петр Ильич сам поэт в своем творчестве. Вдруг подумалось: понимать, чувствовать, любить и читать другим Есенина может только светлый, добрый человек. Его есенинская программа длится час сорок минут, и я видела, с каким напряженным внимани-

ем слушают актера люди все это время. Он удивительно живо разговаривает со зрительным залом, щедро делясь всем тем, что ему самому приносит истинную радость и наслаждение.

Человек он необыкновенно добрый, искренний и открытый. Сколько в нем задора, непосредственности, темперамента! Право же, не верится, что ему семьдесят пять лет... В случайно возникшем разговоре зашла речь о Суворове, каких-то его чертах. Вишняков вдруг напрягся, шумно вздохнул:

— Как же это я упустил?! — И уже задвигался, заходил быстрыми «суворовскими» шагами, заговорил отрывисто, громко, глаза сверкают!.. Он как-то сразу, моментально погружается в огромный и сложнейший мир суворовских чувств, мыслей, он уже почти не видит окружающих — что-то ищет, доискивается до чего-то, и скрипящий пол фойе становится для него сценической площадкой, у которой нет границ...

А как он смеется, как заразительно смеется! Вишняков — весь как на ладони, он абсолютно открыт! Его за это и любят коллеги, друзья, зрители...

Я хорошо знаю Вишнякова-актера, Вишнякова-человека, но не меньше люблю Вишнякова-сына. Да, сына! Петр Ильич очень любил свою мать, просто боготворил ее. Она прожила 97 лет. До последних дней эта тихая, добрая, трудолюбивая деревенская (городская жизнь совершенно не изменила ее) женщина, бывшая батрачка, оставалась в доме, в семье актера самой прекрасной составляющей этой семьи. Какие удивительные «не городские» пироги она готовила, как по-особому, по-вятски, казсила капусту. Петр Ильич пригласил меня однажды в гости — отведать «чем бог послал». А «бог» послал нехитрую,

но так вкусно приготовленную еду, что я ела и ела и не могла остановиться. А старая женщина тихо сидела на своем любимом сундучке, по-крестьянски сложив натруженные руки на коленях, и улыбалась. Улыбался и седой сын, влюбленными глазами глядя на самого родного в жизни человека. Ему, сыну, было тогда уже под шестьдесят, наверное, но это был именно сын, который пришел домой и, как когда-то в босоном своем детстве в глухой вятской деревеньке, сказал просительно:

— Мама, очень исть хочется...

Он нарочно говорил по-вятски «исть», чтобы доставить матери радость и еще раз увидеть ее улыбку. И мама улыбалась и смотрела на сына своими удивительными глазами.

Наверное, слова мои мало похожи на юбилейные, да и я не стремилась к этому. И потому меньше всего говорю о творчестве Петра Ильича — оно ведь и так на глазах у москвичей последние тридцать лет.

Рассказ о своем товарище я хочу закончить коротким эпизодом почти шестидесятилетней давности. Вятский паренек, только что окончивший деревенскую школу и мечтающий о театре, написал письмо Ивану Михайловичу Москвину, с которым поделился своей мечтой «выучиться на артиста». Великий мхатовец получал сотни писем и, естественно, не мог на все ответить. Но почему же он счел нужным непременно ответить деревенскому пареню? Какая сила таилась в том письме? Не та ли, что помогла молодому вятчичу пройти через многие нелегкие испытания и стать подлинным мастером советской сцены?..

Записал
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.

На снимке: П. Вишняков в роли Суворова.

Фото И. Ефимова.